

расти мокрицей' (ср. *näzöittäö* 'зарастать мокрицей'). На с. 86 *vallendiä* лучше перевести не 'освобождать', а 'расслаблять, делать менее тесным (например, одежду, обувь, пояс)', так как *vallä* значит 'свободный' в смысле 'нетесный'. На с. 80 вместо 'копошун' лучше 'копуша'.

Основное значение книги Л. Ф. Маркиановой «Глагольное словообразование в карельском языке» заключается в том, что в ней изложены выявленные автором законы, по которым создаются производные глаголы карельского языка. Книга

написана четко, точно и лаконично. Теоретические положения глубоко продуманы и подтверждены убедительным материалом. Данное в работе всестороннее описание словообразовательной системы карельского глагола, содержащее много совершенно новых, ранее никем не высказывавшихся наблюдений и выводов, делает ее интересной не только для финноугроведов, но и для специалистов, изучающих словообразование в языках других систем.

З. М. ДУБРОВИНА (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.1.14>

А. И. Туркин, Топонимический словарь Коми АССР, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1986. 144 с.

Из ранее изданных трудов А. И. Туркина по этимологизации коми топонимов следует отметить «Кöні тэ олан?» (Сыктывкар 1977) и «Краткий коми топонимический словарь» (Сыктывкар 1981). Рецензируемая книга заметно дополнена новыми сведениями о происхождении местных названий Коми края. Если в словаре 1981 г. было включено около 250 названий, а в издании 1977 г. рассмотрено всего несколько десятков топонимов, то новый словарь содержит уже 644 развернутые статьи.

В новом топонимическом словаре Коми АССР, как и в предыдущем, даются фонетические варианты топонимов. Здесь они чаще всего уточнены, исправлены. Учитываются коми национальное произношение и особенности коми диалектов, а также контактировавших с ними в прошлом языков. Привлечены данные смежных наук — этнографии, фольклористики, истории, географии и даже геологии.

Объем статей и словаря вообще увеличился в сравнении с предыдущим не только за счет новых данных полевых исследований, но и за счет дополнительных сведений из письменных источников, исторических документов и печатных изданий. Если в словаре 1981 г. на букву Э была дана статья только о топониме *Эжва*, то теперь добавлены статьи *Эжол*, *Эжолты*, *Эньты*; на букву Ю — только *Юньягá* (в новом издании исправлена орфография: *Юнъягá*), в издании 1986 г.

мы находим статьи о гидронимах *Юнковож* и *Юръягá*, *Юръяхá* и о отгидронимических ойконимах *Юкарка* и *Юршор*. Число статей на Ф и Я соответственно увеличено с одной до 2 и 11 (с. 125, 137—138).

Автор широко использует легенды, предания и материалы по народной этимологии. Их особенно много в новом словаре. Например, название горы *Сáбля* (*Сáбляиз*) восходит к нен. *Саук-Пай*, которое сначала проникло в мансийский язык в виде *Саукка-Ур* 'острая гора'. Автор утверждает, что из ненецкого языка оно проникло в коми или русский языки, но как непонятное *саук*, *савак*, *савлюй* было переименовано в *сабля*. В таком виде название попало на карты и в справочники (с. 100). Интересны легенды и предания о происхождении гидронимов *Бóлбанъю* (*Бáлбанъю*), *Кóчпель* (*Кéчпель*), *Командíршор*, *Кúлом* (*Кулómъю*), *Мóртъюр*, *Мóртъюрва* и ойконимов *Габов* (*Гáбово*), *Гаждор*, *Гашдор*, *Гашипяндор* (*Гавриловка*), *Мокчой* (*Мóчча*), *Мáмыль*, *Нóвикбóж* (*Нóвикбож*), *Елэц*, *Кутшмóсер* (*Кúчмозерье*), *Трúсово* и т. д., а также статья об ойкониме *Сéрегов* (*Серёгово*). Скрупулезное изучение исторических документов, касающихся этого ойконима, приводят автора к выводу: как офиц. *Серёгово*, так и местное *Серегов* — именованные эллипсисы, образовавшиеся в результате утраты второй части названия 'гора' (с. 103—104) (речь идет о географическом термине *-ыб* 'возвышенность', входящем

в состав оронима *Сярöгыб, Сэрэгыб* 'соляная возвышенность; гора, где имеются соляные источники', ставшего впоследствии ойконимом).

Если же выяснилось несоответствие материалов легенд и преданий, автор смело исключает их из словаря. Например, по нашему мнению, абсолютно без ущерба для научной этимологизации отгидронимического ойконима *Воч* снята легенда о заселении бассейна р. Воч в первую очередь восьмерыми русскими (естественно, тогда апеллятив ойконима был бы русского происхождения). Опущено упоминание о чудских городищах. Статья правильно завершена утверждением: «По местному преданию, вдоль р. Воч жила йöгра», и не случайно апеллятив данного гидронима обско-угорского происхождения (с. 22). Сняты легенда о якобы божественном названии реки и при рассмотрении этимологии гидронима *Выль*, а также комментарий по поводу псевдонаучных рассуждений о попытках найти связь гидронима *Выль* со словом *вом* 'рот; устье', ибо они не приемлемы с фонетической и семантической точек зрения.

А. И. Туркин богато иллюстрирует свои положения сравнительным материалом из родственных языков и из языков соседствующих или соседствовавших в прошлом народов. Так, при раскрытии этимологии гидронима и отгидронимического ойконима *Визинга (Визин)* апеллятив *визь* (< *вись*) 'металл' возводится к праформе уральского происхождения. Если в словаре 1981 г. привлекались материалы для сравнения апеллятива *визь* только из некоторых родственных языков, например, венг. *vas* 'железо', фин. *vaski* 'медь', мар. *ваштыр* 'железо', удм. *весь*, то в новом словаре привлечены примеры из карельского (людиковский диалект), вепского, эстонского, ливского, саамского, эрзянского, мокшанского, удмуртского, мансийского, хантыйского (с. 17—18). Доказательством является и тот факт, что имеются достоверные сведения о наличии железных руд в бассейне р. Сысола по берегам р. Визинга (с. 17).

При рассмотрении этимологии топонима *Йжма (Йзьва)* использованы данные финского, ненецкого, нганасанского, русского языков, а также легенды и гипотезы о чуди и сообщение А. К. Мат-

веева о том, что *ижма (ежма)* в одном из вымерших языков могло означать 'река' или 'проток' (с. 39).

Вместе с тем, нам кажется, что в словарных статьях недостаточно полно использованы взаимовлияния коми и удмуртского языков, а также данные близкородственного удмуртского языка. Например, при раскрытии этимологии корневого аб- (> об-) топонима *Объячево* (коми *Абъячой*) вопрос остается открытым, хотя фонетическое изменение гласного *a* в официальном варианте этого ойконима раскрывается правильно. Правильно объясняется и вопрос о морфологическом облике ойконима (с. 81). По утверждению автора, обычно название объясняется из *Ыбъячой* 'гора с полями на возвышенностях', что фонетически трудно объяснимо; коми *ыб* в официальных русских источниках и в русском языке никогда не переходит в *аб*, а передается как *иб* (там же). Данные коми языка не выводят на связь *аб-* с *иб-*, но географический термин *аб-* можно было возвести к загадочному древнему апеллятиву в составе удмуртского воршудного имени *Апъя*, которое довольно основательно изучено М. Г. Атамановым. Вопросы об этимологии коми топонима *Абъячой* М. Г. Атаманов коснулся еще в 1979 году на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре. Он отметил, что на территории Коми АССР обнаружен им отворшудный ойконим *Абъячой: чой* 'гора'. Генетическая связь коми *Абъя* с воршудным именем удмуртов *Апъя* несомненна. М. Г. Атаманов уверен, что на территории Коми АССР, равно как и на территории Коми-Пермяцкого национального округа, могут быть отворшудные ойконимы.

Вместе с тем вполне допустимо, что компонент *Абъя-* топонима *Абъячой* может быть занесенным в связи с миграцией древних удмуртов рода *Абъя* (< *Апъя*), поскольку параллельно с оронимом и ойконимом не зафиксирован соответствующий гидроним. Исторически *Абъячой* можно в таком случае возвести к древнеудм. или общеперм. **аппа-чой* 'гора (рода удмуртов) Аппа'.

Интересно отметить, что в Ярском районе Удмуртской АССР имеются деревни *Большой Аневай* и *Малый Аневай*, расположенные на ручейках *Апъявай* 'ру-

чей (рода) Апя́я' и Чабъявай 'ручей (рода) Чабъя́', в которых проживали и представители родов Апя́я и Чабъя́ (позднее видимо, чабъя́нцы вытеснили представительей рода Апя́я). В километрах 10 восточнее д. Большой Апевай расположена д. Луза на р. Луза. Наверно, не случайно коми с. Абъя́чой находится в бассейне гораздо более крупной одноименной реки Луза. Этот факт дает повод к размышлению: а не наоборот ли с северо-запада прибыли причепецкие апы́нцы? Сейчас по подсчетам и наблюдениям М. Г. Атаманова, представители рода Апя́я проживают в более чем 10 населенных пунктах Балезинского, Дебесского и Шарканского районов Удмуртской АССР и в д. Городище Зуевского района Кировской области, имеются следы рода Апя́я и в Коми-Пермяцком национальном округе (данные взяты из диссертации М. Г. Атаманова «Этнонимы удмуртов в топонимии», Тарту 1978, с. 40—41, 163—166). На территории Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области нашли отражение 15 названий удмуртских родовых групп, в том числе и воршудное имя Апя́я (М. Г. Атаманов, Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов. — Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск 1982, с. 125).

Было бы целесообразнее, например, при рассмотрении этимологии гидронимов Вй́шера, Чй́бью, Чй́дью и ойконимов Объя́йчево (Абъя́чой), Ту́рья, Чётдино, Чй́ньяворык использовать данные удмуртского языка, хотя бы факт наличия на карте Удмуртии таких гидронимов и отгидронимических ойконимов и микропонимов, как Вишур (в шести районах), Вишур-Пашур, Верхний Вишур (2), Нижний Вишур, Вишур-Пурга, Удмурт-Вишур, Удмуртский Вишур, Русский Вишур, а также таких воршудных имен, как Чудья, Чй́ья, Турья, Сянья, Апя́я и таких отворшудных ойконимов, гидронимов и микропонимов, как Турья ошмес, Сянья гурезь, Сянья деревня, Сяняля (Сянино), Сяньяпотан, Апевай (Апя́явай), Чудзялуд.

Примечательно, что версию М. Г. Атаманова по раскрытию этимологии коми топонима Турья поддержал В. А. Ляшев (Вятско-Камский языковой компонент на Выми. — Проблемы этногене-

за удмуртов, Устинов 1987, с. 108). Он находит в данном регионе и другие топонимы с удмуртскими компонентами: -вый (< удм. вай 'приток, ручей'), льяй (< удм. льяль-: Ляли) и кони (< удм. конья 'белка'): Нй́римвай (ручей), Ё́д-жы́д Нй́римвай (ручей), Вй́йгадь (пойма), Ляй (деревня и ручей), Вёйкони (часть деревни). Исходя из этого, В. А. Ляшев делает вывод: «Диалектные системы коми-зырянского языка складывались не вследствие длительной спонтанной эволюции, но, главным образом, в результате взаимодействия языков переселенцев и автохтонов» (Там же, с. 110).

Следовало также загадочный географический термин -чим в составе гидронимов Лё́кчим (Лё́кчим) (с. 63) и Нё́вчим (Нё́вчим, Нё́кчим) (с. 80) сравнить с апеллятивом чим- / чем- / чум- в составе удмуртских гидронимов Чимошур, Чемошур, Чумошур. На территории Удмуртии их много, они нашли отражение в составе полутора десятков ойконимов, в т. ч. следующих: Чемошур, Чемошур-Докья, Чемошур-Уча, Чемошур-Куюк, Чимошур, Чумовой, Чумойка, Чумой и Чумошур (в составе четырех последних чум- может значить и 'шалаш', ср. Чумойтыло/Чумойтло 'подлесок у реки с шалашами'). Имело смысл сравнить и коми гидронимы и ойконимы р. Лё́пью (Лё́пи), Большая Лё́птюга (Ё́д-жы́д Лё́пи), Мала́я Лё́птюга (Лё́пи Лё́пи), Лоптюга (Лопю), Лё́пья, Съё́лалопи, Лё́пью (Лё́пы), Лё́пишор, Лё́пиэль, Лопы́дино (Лё́пыдин), Лё́пьювад, Лэ́пью (Лё́пью), оз. Лё́пьювад/Лё́пивад, п. Лё́пьювад и другие с компонентами лоп, лопи, лопы (с. 63—69) с двумя удмуртскими гидронимами Лып (правые притоки р. Чепца и Сива) и отгидронимическими ойконимами Лып-Булатово, Лып-Гари, Лып-Селяны, Большой Олып, Малый Олып и др.

Словарь А. И. Туркина имеет и некоторые другие упущения. Так, имеются случаи отсылки к отсутствующим в словаре статьям: Кё́ни (с. 66), Й́желты (с. 96) и т. д. Нужно с сожалением отметить, что автор почему-то исключил из нового словаря названия многих населенных пунктов (видимо, ныне ликвидированных). К таковым относятся А́дак, Айюва, Аяч-Яга́, Ба́рма, Большелу́г (Ё́д-

жыдвидэ), Ваймос (Ваймӧс), Вилядь, Гыркашор, Емваль, Камгорт, Катыведь, Керки, Коздинга (Коздин), Кривбе (Кодж), Мандач, Нобуль (Ноболь), Праскан, Сыроцай и т. д.

Словарь мог бы быть снабжен указателями имен. Поскольку за основу взяты официальные названия, необходим указатель коми вариантов. Иногда в одной статье встречается до десятка и более самостоятельных топонимов, имеющих отношение к основному названию.

Часто приводятся их фонетические и историко-графические варианты, параллельные названия, данные соседствующими народами, а также народами, вытесненными ныне с тех земель.

Вышеперечисленные упущения и недостатки не снижают научную и практическую ценность словаря, он является серьезным шагом вперед в изучении коми топонимии.

Г. А. АРХИПОВ (Ижевск)

Т. Э. Кукк, Словообразование наречий в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.

11 мая 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации Т. Кукка «Словообразование наречий в карельском языке». Работа выполнена под руководством профессора Э. Вяэри. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук В. Д. Рягоев (Петрозаводск).

Тема работы Тийта Кукка — одна из редких: хотя о словообразовании наречий вообще пишут, рецензенту не известно ни одно монографическое исследование в этой области, тем более по финно-угроведению. Тема актуальна, но относится к труднейшим. Общая цель исследования — дать систематическое описание словообразования наречий в карельском языке — автором разбивается на ряд задач: отграничение наречия от других классов слов, характеристика всех словообразовательных способов и типов и определение их роли в словообразовании наречий, определение и классификация морфемного инвентаря, участвующего в словообразовании наречий, анализ генезиса наречных суффиксов, рассмотрение роли формообразования в словообразовании наречий, анализ принципов развития карельской системы наречий.

Работа основывается на богатом материале южнокарельских говоров, в частности весьегонского, но учитываются и

северокарельские, ливвиковские и лудиковские данные, причем весьегонские материалы собраны автором в экспедициях.

Объем работы — 279 машинописных страниц, она состоит из введения (8 с.), пяти глав (38 + 69 + 38 + 25 + 11 = 181 с.), заключения (5 с.), списка использованной литературы (24 с.), трех приложений: таблицы, перечень карельских наречий, карты (11 + 48 + 2 = 61 с.), и детального оглавления (5 с.).

Введение содержит характеристику темы, формулировку цели, описание материала (включая и принципы унифицированной транскрипции), историю изучения проблемы, характеристику метода и аннотацию.

В главе I («Основы анализа») излагаются основные понятия словообразования, морфологическая и синтактико-семантическая характеристика наречий, проводится разграничение первичных и вторичных наречий и представляется перечень первичных исконных наречий и древних заимствований, а также рассматриваются соотношения наречий и т. н. релятивных слов (пред- и послелогов).

Изложение основных понятий — интересное введение в словообразование, показывающее не столько несомненную эрудицию автора, сколько его способность понять сущность, а тем самым и возможные недостатки разных, в том числе и весьма новых идей.

При морфологической характеристике наречий Т. Кукк упоминает и традицион-